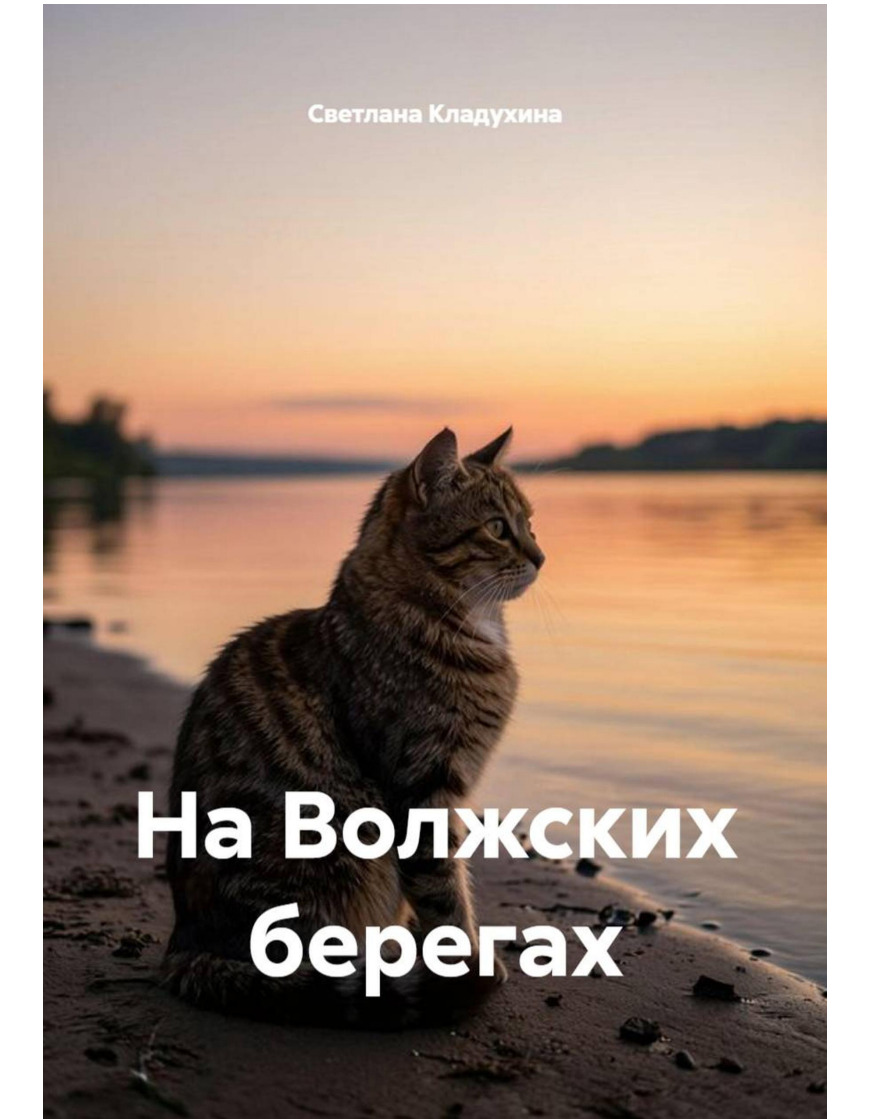

A tabby cat is sitting on a sandy beach, looking out over a body of water towards a sunset. The sky is a mix of orange, yellow, and light blue, with the sun low on the horizon. The water reflects the colors of the sky. In the background, there are dark silhouettes of trees and hills. The overall mood is peaceful and contemplative.

Светлана Кладухина

На Волжских берегах

Светлана Кладухина

На Волжских берегах

<https://litres.ru/74621152>

SelfPub; 2026

Аннотация

«На волжских берегах» — сборник тёплых, искренних рассказов о жизни жителей небольшого села на берегу великой реки. Книга наполнена любовью и уважением к родной земле. Она приглашает читателя прикоснуться к миру, где каждая история дышит добротой и юмором.

Светлана Кладухина

На Волжских берегах

Светлана Кладухина

На Волжских берегах. (сборник рассказов)

Мусенька

Ранняя осень была тёплой и дождливой. По утрам над полями стоял белый пар, не то от туманов, не то от суглинистой почвы, ещё хранящей в себе летнее тепло. Тоскливый дождь, похожий на серую пыль, падал на выцветающие травы, на покосившиеся заборы, на крыши старых сельских домов, оставляя на них тёмные, блестящие потёки.

По оврагам туман висел белесыми клубками. Воздух пах преющей листвой и краснобокими яблоками, которые падали с веток с мягким, почти неслышным стуком. Где-то вдалеке протяжно мычала корова, а фруктовые сады наливались багряными и золотыми красками.

Над дорогами висела паутина, такая тонкая, дрожащая, покрытая каплями дождя, словно нитками жемчуга. Паучьи сети мерцали в рассеянном утреннем свете краем выглядывающего солнца. На огородах жгли мусор и сорную траву, и дым смешивался с острым запахом картофельной ботвы, только что выдернутой из земли.

Деревня медленно погружалась в осень, словно в пеструю,

лиственную перину.

Это была осень, когда Александра с грустью взглянула на родное село перед долгой дорогой в город.

Знакомые пейзажи, мокрые тропинки, пруд, заросший камышом, синие сумерки, споро наступающие после дневного дождя, все было родным и любимым.

Она уезжала на учебу. Впереди была другая жизнь. Но эта осенняя, тихая, с запахом туманной влажности трав и мокрой листвы навсегда осталась в памяти как порог, через который она шагнула в будущее.

Город встретил девушку тоскливыми гудками поездов и резким запахом солянки. Он показался мрачным и негостеприимным. В сизом мареве тепловозов мелькали чужие, равнодушные лица.

Город был громким, настороженным, суетливым. Он давил на Александру гулкими улицами, толпами и шумом транспорта.

Дома стояли плотными рядами, высокие, кирпичные, со слепыми чёрными окнами днём и янтарно – тёплыми вечером.

В магазине у общежития, в который она забежала после учёбы, чтобы прикупить булочку и молоко, тревожно стучали металлические весы с черно-белыми костяшками под неласковые отрывистые фразы «пергидрольной» продавщицы.

Тоска по материнскому дому и родному селу накрывала

по вечерам неустроенностью и неизвестностью, пока она не обвыклась, не смирилась со своей теперешней жизнью. Тогда всё вошло в свою колею, и три с половиной года учебы в техникуме пролетели как не бывало...

Саша устроилась на работу на завод синтетического каучука.

Первые дни, шагая по утрам к заводской проходной, она всякий раз замирала от необъятности заводских корпусов.

СК представлял собой целый город в городе, с паутиной труб, уходящих в серое небо. Металлические резервуары подрагивали от вибрации, и, казалось, будто завод дышит — шумно, горячо и простуженно.

С раннего утра по улице, ведущей к проходной, текла людская река. Рабочие спешили заступить на смену. Сердце завода в едином ритме билось с людскими сердцами разновозрастного потока.

На проходной жёлтым светом мигала лампа, а, сонные и суровые охранники проверяли пропуска.

И каждый раз, проходя среди этой толпы, Александра чувствовала лёгкое волнение, будто пришла в чужой, неприветливый мир.

Но стоило ей войти в лабораторию ОТК, как тревога рассеивалась. Атмосфера внутри была тёплой и почти домашней. Под руководством Елизаветы Ивановны Лобовой царили порядок и доброжелательность. Начальница опекала каждого так, что Александра вскоре почувствовала себя не но-

вичком, а частью маленького, крепкого коллектива.

Работа требовала аккуратности. Сотрудники контактировали с опасными веществами –это были кислоты (серная, соляная, уксусная, ледяная), хлороформ и щелочи. Всем выдавали средства индивидуальной защиты: белый халат, костюм, штаны с рубашкой цвета хаки, перчатки и маска, хранящиеся в специальном металлическом ящике, запертом в обычное время на ключ. Сотрудники проходили ежегодный инструктаж и сдавали обязательный экзамен по технике безопасности.

За Александрой приглядывала Анна симпатичная и статная, пользовавшаяся успехом у мужского состава газоспасателей. Однажды, они встретили её особенно шумно и восторженно, провожая проход прекрасной дамы криками восхищения и улюлюканьем. Анна привыкла к выражению мужского внимания, но сегодня насторожилась и быстро свернула в раздевалку: уж не произошло ли чего из ряда вон. Опыт подсказывал, что это возможно. Случаи бывали.

Однажды, коллега по цеху Валька Пастухова, ежедневно опаздывающая на рабочую смену, не на шутку разгневав начальство, была вызвана на ковер и так же опоздала.

Елизавета Ивановна указала на дверь:

– Срочно переодевайся и беги!

Валька, до смерти перепуганная, растерянная и запыхавшаяся распахнула дверь кабинета руководителя.

Семен Львович, изумленно взглянув, замахал руками, и,

прикрыв глаза, приказал убираться восвояси.

Валька, в спешке надев рубашку, забыла, что область ниже талии прикрывали лишь белые панталоны. Девушка не смутилась и удалилась с достоинством.

Она часто попадала в нелепые ситуации, благодаря любопытству и неуёмной энергии. Недавно, например, попросила у коллег крем для рук, но ни у кого не оказалось. Тогда без колебаний выдвинула ящик стола отсутствующей Анжелы, дочери состоятельных родителей. Там лежал пухлый, золотистый тюбик с алой ягодкой и крупной надписью «Клубничный». Мелких букв Валька не читала, зачем?

Радостно вскрикнув, она показала находку подругам и густо намазала липкий по консистенции «крем» на руки.

— Пахнет так, будто в лето попала! — блаженно произнесла она. — Ничего, впитается, будет тип-топ!

На следующий день Анжела пришла, взяла в руки помятый тюбик, подозрительно оглядела притихший коллектив и ледяным голосом спросила:

— Кто вчера ел мой клубничный джем? Родители из Москвы привезли...

А ещё был случай с молоденькой Леночкой, которой коллеги делали замечания за её несуразную, размашистую походку и громкое, характерное шарканье. Иногда даже сама Елизавета Ивановна, обычно терпеливая и мягкая, не выдерживала и по-матерински журила:

— Лен, ну что ты ходишь, как старушка, все дорожки мне

скоро протрёшь!

Ленка виновато улыбалась, но походку не меняла. И вот однажды, забыв пришить пуговицу к чёрной плиссированной юбке, которая выглядывала из-под распахнутого белого халатика, она дошаркалась до настоящего позора. Юбка была кое-как заколота, и стоило Леночке подойти к руководителю комиссии, проводившему ежегодный экзамен, как злополучная булавка растянулась. Юбка, шорк, и упала вниз.

Ошеломлённому экзаменатору предстали во всей красе стройные девичьи ножки. Но Лена и бровью не повела. Спокойно взяла билет с вопросом, так же спокойно подтянула юбчонку, словно это обычная часть экзаменационной процедуры, и, громко шаркая, отправилась к столу готовиться к ответу. Члены комиссии ещё долго косилась друг на друга, тихонько улыбаясь.

Анна, вспоминая эту историю, усмехнулась и тут же тщательно осмотрела себя в зеркале. Улыбка мгновенно исчезла. Сняв защитные брюки болотного цвета, она пришла в ужас: по центру, как раз там, где располагаются аппетитные булочки-ягодицы, зияла огромная дыра. Сквозь неё любопытные мужские взгляды могли различить розовые трусики. Кто-то, ох, найти бы эту растрёпу, разлил химикаты, на которые Анна так неудачно приземлилась. Реактив прожёт ткань.

Настроение было испорчено не меньше, чем штаны. Анна переделалась в халат, вздохнула, взяла себя в руки и вернулась в цех — помогать Александре со сложными расчётами.

Эти вычисления проводились с помощью логарифмической линейки, и требовали сосредоточенности, словно тонкая работа ювелира.

Когда она вошла, Саша как раз разговаривала с незнакомой женщиной в аккуратных маленьких очочках.

— Вы, случайно, не знаете, где Мусенька? — вежливо спросила незнакомка, поправляя оправу.

Александра с готовностью улыбнулась:

— Мусенька хорошо поела, а теперь отдыхает под лестницей, на своём коврикe.

Женщина округлила от удивления глаза и пошла в указанном направлении проверить свою, видимо, не на шутку уставшую подругу, Марию Николаевну, которую ласково называла Мусенькой:

— Как она решилась лечь в середине смены, да ещё в таком странном месте? — недоумевала приятельница.

Мария Николаевна занимала отдельную комнату, работала препаратором и выдавала сотрудникам одежду, полотенца, лакмусовую бумагу и реактивы.

Анна рассмеялась, выяснив в чем дело, остановила посетительницу и приказала идти на второй этаж в двенадцатый кабинет. А, всеобщая любимица девятого цеха, кошка Мусенька, продолжила свой сладкий, безмятежный сон на лоскутном коврикe под лестницей.

Появилась она здесь несколько лет назад. В тот день моросил дождь. Под навесом у проходной сидела крошечная

трёхцветная кошечка, дрожала от холода и жалобно мяукала, глядя на людей с такой надеждой, что пройти мимо было просто невозможно.

Её первой заметила уборщица тётя Нюра, Она была женщина строгая, но с мягким и жалостливым сердцем. Нюра нагнулась, погладила худенькую спинку и тихо сказала:

— Ой, котейка! Как же ты сюда приблудилась?

Кошечка робко ткнулась носом в её ладонь, и всё решилось в ту секунду. Тётя Нюра подняла её на руки, занесла в цех и поделилась котлетой из заводской столовой. Рабочие подходили, качали головами, улыбались и тоже делились угощениями.

Через пару дней она уже осмелела, перестала прятаться и выбрала себе место под лестницей, там всегда было тепло от труб. Нюра принесла ей небольшой коврик из лоскутков, сшитый собственноручно, и с тех пор Мусенька приходила на него отдыхать.

В лаборатории появилась Елизавета Ивановна и потребовала к себе Любу, сорокалетнюю женщину приятной наружности, с мягкими чертами лица. Любины светлые волосы чаще всего были собраны в небрежный пучок, из которого непременно выбивались непослушные пряди.

Щеки женщины розовели, словно она только что вернулась с мороза, а на губах играла лёгкая улыбка. Она была не очень уверенная, как у человека, который вечно теряется в

собственных мыслях, но все-таки приятная и искренняя.

Её голубые, доверчивые, удивлённые глаза смотрели на мир будто она каждый раз видела его впервые. Женщина была невысокого роста, с притягательными для мужских глаз округлостями. Во всём её облике было что-то домашнее, но помимо особого обаяния в характере преобладала некоторая «чуждинка».

Так, например, она никак не могла выучить правила техники безопасности и предыдущее испытание чуть не завалила.

Экзаменатор задал простой вопрос:

—Почему нельзя вешивать полотенца на батареи?

Имелось ввиду, что ткань могла быть пропитана химическими веществами.

Тогда при нагревании, возможно воспламенение.

Люба, широко распахнув детские голубые глаза, на полном серьёзе ответила:

– Так, скрадут...

Елизавета Ивановна протянула женщине листок с ответами на четыре вопроса и приказала вызубрить.

Люба кивнула головой и погрузилась в мечты о маршале бронетанковых войск, с необычной фамилией Рыбалко.

Павел Семенович Рыбалко был дважды героем советского союза и умер в 1948. Но Люба создала собственный мир, в котором его двойник, маршал –разведчик Рыбалко, сочетавшись браком с Любовью Овцыной, покинул Советский Со-

юж, чтобы стать агентом за границей.

Незамужняя Любочка так уверовала в свою сказочную историю, что за каждым обедом в заводской столовой начинала моноспектакль, стоило кому-то сесть рядом. Бойко гремели алюминиевые подносы, пахло пюре, перловкой, рыбными котлетами и сладким компотом из сухофруктов.

А рядом с Любой, в воздухе материализовался иной гастрономический мир.

Она поправляла выбившийся локон и таинственно понижала голос:

— Ох, девочки, вы не поверите, каких только угощений мы с маршалом не пробовали! — начинала она, закатывая небесно-голубые глаза.

— Заграничный сервелат, розовый с белыми прожилками... Мясо крыля — нежнейшее, прямо тает. А икра! Аах и оох! Красная, чёрная, бери какую хочешь. И шпроты прибалтийские золотистые, словно солнышки в масле!

Коллеги, глядя на собственные тарелки с гречневой кашей давились слюной.

— Ах, девочки! — продолжала она, подперев щеку ладонью.

— Он ведь не просто так исчез, нет! Его снова вызвали туда, где судьбы решаются. Но однажды... однажды госорганы переправят и меня.

Любочка мечтательно смотрела куда-то поверх изумленных лиц и продолжала:

— Переправят для тайной встречи с ним, с моим Рыбалко. Он ведь как Штирлиц, понимаете? Такой же умный, сильный, загадочный.

Она на секунду прикрыла глаза, будто представляя, как это будет:

— Вот я войду. В длинном коридоре начнут ярко мигать лампы. Будет стоять он. Плащ до колен. Со строгим лицом и зовущим взором.

А я посмотрю на него своими голубыми глазами, прямо как у актрисы в «Семнадцати мгновениях весны». И всё... — Любочка театрально прижимала ладони к груди. — Он поймёт, что ради любви никакие границы не преграда!

Соседки украдкой обменивались взглядом, кто-то хмыкал, кто-то улыбался. Но никто не перебивал, потому что Люба рассказывала так искренне, так страстно, так по-детски светло, что разрушать её мечту казалось жестокостью.

А Любочка все глубже погружалась в свои грёзы: перловка остывала, а стрелка на часах неумолимо приближала возвращение к работе.

Однажды, Валька Пастухова, изрядно уставшая от завиральных идей фантазёрки, предъявила ей фотографию из газеты «Известия» того самого, единственного маршала, Павла Семеновича Рыбалко, которого Люба не признала.

– Ну, смотри! Вот! – прижала её к стенке Валька.

Люба прищурила один глаз и спросила: «Хто это?»

Девушка возмутилась и прокричала:

—Не узнаешь, что ли? Муж твой, Рыбалко!

Женщина немного смутилась, помолчала, протёрла глаза, а потом поднеся газету к самому носу, ответила:

—От, ведь не узнать! Харю отъел, однако!

А на следующий день всем и каждому оправдывалась, что за границей кормёжка другая, не чета нашей:

—Что не узнала, не мудрено! Они там икру красную и чёрную едят банками, сервелат батонами, шпроты и мясо криля по желанию...

Люба, пребывая в вынужденном одиночестве, голову не вешала, а стойко хранила верность разведчику, а потому отвергала знаки внимания со стороны мужчин-газоспасателей.

Вчера Валька, решив немного пошутить, томясь в длинной очереди в столовой, незаметно написала на спине женщины мелом: «Люба». Проходившие мимо сотрудники начинали улыбаться и цитировать с листа: «Люба! Люба! Лю-юбааа!» А та, приняв повышенное внимание за наглые подкаты, строго их отчитала:

—Я Вам не Люба, а Любовь Геннадьевна!

А однажды, когда Любу отправили взять пробы латекса из цистерны — обычная ежедневная процедура, именуемая «отборка», — произошёл случай, который ещё долго вспоминали в девятом цехе. Латекс перед отправкой на другие заводы требовал проверки: анализ, заключение, сопроводительный лист, всё строго по правилам, иначе партию могли вернуть обратно, и тогда начальство устраивало разнос всем,

кто попадался под руку.

Люба, взяв пробы, вернулась в цех бледная, взволнованная и до предела возмущённая. Глаза её блестели, губы подрагивали, а в дрожащих руках она сжимала тетрадный листок, как улику против злодея.

— Девочки! — выдохнула она, едва переступив порог. — Ну вы только подумайте каков козёл! А ведь женат!.. Вот гляньте, что учудил подлюга! — И, торжественно взмахнув рукой, она развернула листок перед подругами.

— Вижу, — продолжала она, драматично повысив голос, — значит, стоит этот тихоня Евгений Матвеевич, смотрит на меня... А потом *вот это* пишет! — Она вытянула листок ещё дальше. — «ЖДУ!» И номер телефона! Ну надо же! Как на духу говорю, я ему даже не улыбалась сегодня!..

На листке корявым, еле читаемым почерком были записаны номер цистерны и служебная пометка: «ЖДЦ».

Коллеги переглянулись. Кто-то хихикнул, кто-то уткнулся в бумажки, чтобы не выдать себя.

— Люба... — осторожно начала Анна. — Так это «ЖДЦ». Железнодорожная цистерна.

Но Люба не сдавалась:

— Анют, не надо меня успокаивать! — с горячностью перебила она. — Не зря я сразу почувствовала, как он на меня смотрел! Ну прямо как Штирлиц на радистку Кэт! А теперь вот, записочки шлёт. «ЖДУ!» Понимаете? Ждёт! Меня! Женщину, хранящую верность любимому мужу!

Её лицо вспыхнуло от стыда, но в глазах плясал восторг, как у героини кинофильма, которую вот-вот втянут в водоворот большой и запретной любви.

Подруги не выдержали и прыснули со смеху. Но Люба лишь гордо вскинула подбородок, ей казалось, что они просто не понимают глубины чувств.

В общем, всё было немного с чужинкой в девятом цеху лаборатории ОТК завода СК, и даже парные фамилии сотрудников: Пастухова и Овцына, Петухова и Курицына, Лобова и Губина, Уздечкина и Клячина вызывали улыбку.

Самой чудить новоприбывшей Александре вовсе не хотелось, а потому она твердо решила после смены направить усилия на изучение билетов по технике безопасности, чтобы не попасть в конфуз в самый ответственный момент.

А тем временем события на заводе были безрадостные. Сотрудники девятого цеха и лаборатории ОТК последнюю неделю пребывали в жутком стрессе.

Из помещения пропала платиновая чашка, весом семнадцать граммов. Изначально емкостей было две. В них сотрудники проверяли качество синтетического каучука. Несколько грамм настриженного ножницами продукта складывали в плошку, тщательно взвешивали, а затем отправляли в муфельную печь, которая нагревалась до восьмисот градусов, сжигая материал до золы.

Платиновое изделие было невзрачного серого цвета, его можно было свободно сжать руками, но стоило, как вы по-

нимаєте, дороже золота, баснословных денег, а потому происшествие было назначено в разряд чрезвычайных. Создали специальную комиссию по поиску ценности, людей тщательно проверяли и опрашивали. По этому случаю даже созвали совещание начальников цехов, где директором было объявлено:

—Чашку вернуть! Достать хоть из-под земли!

А тем временем драгоценность, не замеченная никем, стояла под лестницей и периодически наполнялась едой для всеобщей любимицы, теперь царицы, не иначе, кошки Муси.

Уборщица Нюра, отбиваясь от возмущенной толпы сотрудников, так объяснила свой импульсивный поступок:

– Отчего ругаетесь, не пойму! Я же самую плохонькую, помятую взяла для нашей Мусеньки! Все остальные — красивые, фарфоровые, блестящие!

Трехцветная, пушистая Муся охотно вкушала яства из любой посуды, тихо дремала после трапезы на коврике и не обращала никакого внимания на необыкновенные волнения, случившиеся в её царстве...

Харизма.

Игорь Петрович и Мария Ильинична составляли весьма колоритную пару. Маленький, тщедушный муж и рослая, пышнотелая супруга.

На первый взгляд, Игорёк выглядел так, будто его всю жизнь носили в мешке из-под картошки. Вечно помятый,

с налетом пыли на одежде, сутулый, с жидкой причёской и бледно-голубыми глазами, в которых читалась то ли вечная усталость, то ли несгибаемая житейская мудрость. Однако, несмотря на свою невзрачную внешность, мужчина обладал редким обаянием, харизмой и живым чувством юмора. Впрочем, иногда запивал, но запои были недолгими, максимум трёхдневными. И тогда он во весь голос пел горячо любимую песню:

– По улицам ходилааа большая крокодилаааа. Она, она, зелёёёная была!

История умалчивает о том, кого солист держал в этот момент в уме: свою грудастую жену в зеленом, ситцевом переднике или тлетворного, алкогольного Змия, а возможно, что-то еще...

Мария Ильинична, напротив, являлась курпулентной женщиной, с сильными руками и походкой, будто каждый день бороздила пашню. Жена ежедневно носила тот самый салатовый передник, содержащий тайный цветовой намек, и умела одним взглядом утихомирить буйных собутыльников Игорька. У неё были темные волосы, собранные на макушке в гульку, и голос, как у дежурной по вокзалу. При этом женщина любила своего супруга с непонятным материнским снисхождением и стойкостью, достойной отдельного ордена.

Игорёк ежедневно ездил на работу из села в город, на завод. Нередко опаздывал, за что получал массу порицаний. А когда уходил в запой, и вовсе пребывал под угрозой уволь-

нения. Однажды, после незапланированного отдыха, его вызвала начальник цеха Инна Леонтьевна, женщина небольшого роста, но внушительного объема. Весом, примерно, сто пятьдесят килограммов. Ее пепельные волосы вихрились в химической завивке, придавая дополнительного объема голове. А двойной подбородок внушал подчиненным мистическое почтение солидности и весу.

Как-то раз, Инна Леонтьевна застряла в дверях автобуса. Она не могла выйти даже боком. Двери заклинило, и обычный проход стал меньше. Сотрудники завода выталкивали её общими усилиями.

Не смотря на строгость, была в ней некая добродушная сила, впрочем, проявляющаяся лишь до поры до времени.

Инна Леонтьевна положила лист бумаги, ручку и потребовала написать заявление об уходе.

Игорёк пустил скупую мужскую слезу и сообщил начальнице о последних событиях в нелегкой судьбе: он похоронил супругу и ныне вдовец с тремя малолетними детьми! Сердобольная женщина не смогла уволить наглеца, организовала материальную помощь, которую безутешный «вдовец» спустил на внеплановый отпуск.

А, потом, она увидела счастливое семейство в городском парке. Инна Леонтьевна потребовала объяснений, когда Игорёк прибыл на работу.

В заводской столовой рабочие получали обед: суп, второе, два яйца, булку и пол стакана сметаны. Начальница посчита-

ла яйца в тарелке сотрудниц женщин — одно оказалось лишним. Она громко спросила мужскую половину:

«Ну, что? Посчитали? У всех ли по два яйца?» Первым среагировал юморист Игорёк:

— У всех по два, Инна Леонтьевна! Природой так обозначено, не сомневайтесь!

В помещении раздался дружный хохот. А Инна Леонтьевна потребовала объяснений, но уже не про заложенные природные нормативы, а о внезапном воскрешении его женушки. Однако, тот не растерялся. Объяснил, что у любимой дурная наследственность с крайне опасными летаргическими припадками:

— Инночка Леонтьевна, я вам говорю, похороны были — ой-ой-ой! Гроб из липы, с позолотой, венки от сельсовета. Даже председатель речи приготовил. А я стою в стороне, думаю: вот и всё, Игорёк, остался ты один с малолетками, без своей гром-бабы. Душа рвётся, сердце, как барабан, стучит.

Оркестр уже «Вечную память» заиграл, а тут — бац! Крышка загремела! Все замерли, как статуи каменные. Я сам чуть в штаны не наложил, простите за выражение. А она, Марыюшка моя, вдруг распрямилась, как тополь на ветру, и давай, на людей зыркать, будто так надобно! Лицо красное, голос грозный: «Ну-ка, разошлись! Живую женщину в яму собрались класть!».

Сосед Степан, между прочим, крестился обеими руками, как ветряная мельница. А дети наши бросились к ней и по-

висли на шее, знамо дело, мать с того света вернулась. Сказать по правде, я тогда и сам подумал, что Господь чудо сотворил. Воскресил мою Марьюшку прямо на наших глазах!

А родственники? Одни притихли, другие, наоборот— в слёзы, да в визги. Брат мой двоюродный, Пашка, три дня потом икал, до сих пор заикается. Батюшка икону уронил, а тетка Авдотья и вовсе в обморок упала, пришлось скорую вызывать.

Так что, Инночка Леонтьевна, поймите правильно: я человек верующий, но после такого и мне трудно разобраться, жива она дальше будет или опять в летаргию впадет. Вдруг это ненадолго все! Но, ничего, оклемалась, моя Марьюшка!

— А дальше, Инночка Леонтьевна, представляете? Мы вместо кладбища всей процессией домой пошли. Венки тащим, слёзы от радости льем. Музыканты дергаются, один вопит, другой пыхтит, третий матерится шёпотом. Дети рыдают от потрясения нервного. А Марьюшка идёт впереди, в своём переднике зелёном. И так цокает каблуками, словно коняка радостная, что всех одна мысль озаряет: «Это не женщина, а дева святая! Вторая жизнь ей дана».

— Что? Про передник спрашиваете? Какая—такая причуда в нём хоронить? Так это я сподобился любимую вещь под бок ей положить. Вот она и надела его сразу, как очухалась.

Домой зашли. А на столе всё по обычаю готово: блины, кутя, водка и всяческие угощения. И вот сидим мы, как ни

в чём небывало, только Марьюшка сама во главе стола, ещё и на всех ворчит: «Что это вы кисель такой жидкий сварили? Думаете, покойнице не почувствовать?». Народ молчит, глаза таращит, крестится кто в лоб, кто в плечо.

А по селу, конечно, слухи разошлись! На другой день одни бабы судачили: «Ведьма, не иначе!», а другие: «Нет, это помощь свыше! Воля господня!». Пастух наш местный, Колька Брожевич, клялся, что было подобное. Его мать воскресала после сердечного припадка. Так, что видимо, всё село наше такой напасти подвержено.

Инна Леонтьевна слушала сказочника, приоткрыв рот. Она никак не могла понять, где у этого бездельника кончается правда и начинается издёвка. Собравшись с духом, она предупредила:

— Ещё один фортель, и полетишь отсюда кувырком!

Долго ждать не пришлось...

В понедельник они вместе поднимались в заводском лифте, таком узком, что едва помещались вдвоём. Большая грудь и объёмный живот Инны Леонтьевны прижали бедолагу к стенке.

— А-а-а... воздуха... — простонал он, закатив глаза.

По прибытию Игорёк с трагическим выражением лица сделал «последний вдох» и обмяк. Когда двери открылись, он медленно сполз вниз и грохнулся на пол.

— Господи!!! — взвизгнула Инна Леонтьевна.

— Кто-нибудь!!! Помогите!!! Я Игорька задавила!!!

Она, мягкая и округлая, словно панда, покатила вызывать «скорую». Но, когда врачи появились, от «пострадавшего» не осталось и следа.

Нашёлся он, конечно, в курилке. Живой-здоровый, с сигаретой в зубах и довольной ухмылкой.

— Ну, что, как вам моя шуточка? — бахвалился Игорёк, шурша пачкой «Казбека».

Тут терпение Инны Леонтьевны лопнуло окончательно. Под гневный взгляд и жёсткое «Вон!!!» мужчина был выдворен из её епархии.

Он устроился кондуктором на рейсовый автобус и быстро превратил каждую поездку в маленькое представление. Билеты проверял с таким размахом, будто вручал ордена, а остановки объявлял так, что пассажиры искренне верили — вот-вот начнётся парад. Однажды вечером, возвращаясь домой уже в качестве пассажира, он спросонья вскочил и грозно потребовал предъявить билеты.

Бабушка, сидящая на переднем сидении, испуганно заёрзала и тоненько заголосила: «Ой, что делать-то! Билетик у меня на дне авоськи в кошельке под продуктами! И как до него добраться тепереча?» Безбилетный школьник бросился к соседней двери, надеясь выскочить на ближайшей остановке. А мужчина в подпитии треснул со злостью кулаком по спинке кресла: «Опять проверка? Задолбали уже проверяльщики!»

Игорёк от такого агрессивного негодования окончательно проснулся и понял, что он не на смене, а сам пассажир. Смущённо кашлянул и буркнул:

— Проверочка... небольшая. Всё в порядке, отдыхайте.

Глаза устремил в пол, чтобы не нарываться. После этого автобус ещё пару остановок ехал со звенящей тишиной в салоне, а пассажиры украдкой поглядывали на Игорька.

Его супруга, Мария Ильинична, после окончания школы работала в детском саду нянечкой. В те времена обаятельный Игорёк небезуспешно волочился за замужними девицами, ибо брачные узы не признавал вовсе. Решил остаться холостяком.

Однажды Машенька прижала его на танцах к крашеной в зелень, холодной стене сельского клуба, решительно покорив застенчивого чичисбея горячим, роскошным телом. Игорьку тогда стало необыкновенно приятно, уютно и тепло. После памятного впечатывания в студёную стену, он оказался в загсе с кольцом на пальце и штампом в паспорте. А затем, в окружении троих малолетних детишек.

Игорь Петрович старался для семьи изо всех сил, впрочем, иногда переходя на философические поиски истины в вине.

Маша выхаживала непутёвого алкаша, прикармливая детсадовскими обедами, и грозилась оставить от мужа мокрое место, если тот не остановится. Обещание было вполне

реальным, а потому «кровопивец» пришпоривал зелёного Змия и бежал на работу.

Сегодня Мария Ильинична наказала Игорьку зайти на городской базар, чтобы купить детям ёлку. Можно было совершить небольшой променад, прихватив с собою стройную красавицу, забежав в лес неподалеку. Но Игорек постоянно попадал в экстраординарные ситуации. В прошлый новогодний поход он принес домой ель — красивую и пушистую, но только с одной стороны, другая была ободрана.

Старатель щедро принял на грудь, а, затем, выбрав приглянувшееся деревце, решил: зимняя погода прекрасна, настроение великолепно, новогодние песни и зажигательные танцы уместны! Мужчина от души заголосил, энергично пританцовывая:

—В лесу родилась ёлочка. В лесу она росла. Зимой и летом стройная...

Тут он и привлек внимание лесничего. Вырубка елей каралась законом. Воришка оценил обстановку и ничтоже сумняшеся бросился наутёк. Местность вокруг села была холмистая, а затеявший недоброе лесник зол, словно бешеная собака. Бедолаге Игорьку пришлось использовать добычу вместо саней. Он взгромоздился на еловые лапы. Перекрестился, коротко рыкнув: «была не была», закончив песню прерывающимся криком «зееелёёёнааяя былаааа!» Он скатился с горы, набирая по пути, необыкновенную скорость. Именно потому, ель по прибытию домой, «зелёная была»

только наполовину.

Игорёк купил елку и, немного отметив приближающийся Новый год, заступил на трудовую вахту.

Отработав своё, Игорёк выдал последние билеты, бережно сложил выручку и положил сумку под голову. Устроился на передних сидениях, зевнул и закрыл глаза. Запах ёлки щекотал нос, разогретый воздух укрывал, точно тёплый плед. Кондуктор уснул.

Когда автобус мягко затормозил на конечной, выходящие из машины пассажиры, стали поздравлять его с наступающим Новым годом и загадочно улыбаться. Он приподнимал веки, кивал в ответ, но оставался в полусне.

Тут подбежал мальчишка лет пяти, с пухлыми щёчками, в меховой шапке со звездочкой. Глаза мальчика сияли любопытством. Он встал напротив, наклонил голову и спросил:

— Дядя, а вы Дед Мороз или ёлочка?

Игорёк разлепил губы, усмехнулся, и лениво ответил:

— Снегурочка, дорогой, Снегурочка.

Малыш, взглянув на него чрезвычайно серьёзно, разочарованно отрезал:

— С усами Снегурочек не бывает!

Выходящие люди рассмеялись, а Игорёк, взъерошенный, но довольный, поднялся и пробормотал: «Ладно, значит, буду Дедом Морозом... до следующей зарплаты.»

Игорь Петрович пришел домой и, заглянув в зеркало, понял причину странного внимания. Какой-то умелец, пока он спал под градусом, нарисовал ему зелёной пышные, закручивающиеся усы!

Мария Ильинична дала мужу беззлобную оплеуху и, хорошо поставленным голосом дежурной по вокзалу, оповестила детишек:

— Гляньте, что делается! Вернулся ваш папашка, зеленоусатый! Да не один, а с сестрёнкою!

Дети, выбежав навстречу отцу, удивлялись его нарисованным усам. Заглядывали за спину Игорька, выискивая родственницу. Но никого постороннего не обнаружили. В углу оттаивала, источая пряно-острый запах леса, пушистая красавица...

А Мария Ильинишна громогласно пропела: «По улице ходила большая крокодилааа! Она, она зелёная былааа!...»

Гёрлз

Серёга выделил ее сразу, среди прочих других— тоненькую, чем-то испуганную, в розовом платьице колокольчиком. Мальчик уже занял каюту с другом Петькой на верхней палубе теплохода «Дмитрий Пожарский».

Они вместе с приятелем стояли и глазели на подходящих к мостику детей. Родители целовали чад, давали наставления, а затем вручали в надёжные руки руководителя, сопровождающего школьные группы в путешествии по Волге. От

небольшого древнерусского городка до Астрахани.

Мероприятие предстояло долгое. Одиннадцать дней они должны были плыть по Волге от Ярославля до Астрахани, с зелёными остановками на небольших речных станциях и крупных поволжских городах... Потом столько же обратно.

Девочку-подростка провожал на теплоход крупный мужчина, наверное, отец. Он энергично жестикулировал, показывая дочери знаки руками, а та в ответ такими же загадочными знаками отвечала. Или просто согласно кивала головой. В завершении, требовательно махнула ладошкой в сторону от речного вокзала к автобусной остановке:

— Иди, мол, иди, не волнуйся, я сама справлюсь!

Серёга присмотрелся внимательнее, и ему стало понятно — это язык глухонемых!

Затем, девочка-цветок легко вбежала по мостику и еще раз прощально взмахнула рукой.

Она немного опоздала к распределению кают, а потому прошла на самую нижнюю палубу.

Серёге шел пятнадцатый год, он занимался спортом, фанател от «Битлов» и посещал лучшую школу города с углубленным изучением английского языка. Родители прочили ему головокружительную карьеру. Он мечтал побывать в Лондоне и увидеть своих кумиров. Поэтому усиленно налегал на изучение английского.

Но не только музыкальные композиции знаменитой группы волновали стремительно растущий организм. С некото-

рых пор с ним стали твориться странные вещи: засмотрится на девушку — симпатичную незнакомку или одноклассницу, а в груди такое томление разливается, что впору бежать куда-нибудь сломя голову. Прямо по городским улицам. Только бы унять эту дрожь во всем теле.

Теплоход отчалил от пристани и медленно поплыл по реке. Девочка вышла на палубу, а Сергей начал перемещаться к ней короткими перебежками. Сделает выход вперед — остановится, затем вновь пройдет дальше. Ему нужно было во что бы то ни стало рассмотреть её лицо вблизи. Только сделать это максимально незаметно для объекта тайного наблюдения.

Она оказалась красивой. Тонкие черты лица, зелёные глаза, опущённые длинными ресницами. Таких выразительных глаз он не встречал!

— Эээээх! Как жаль, что глухонемая! До чего же иногда природа несправедлива к людям. Щедро одаривает одним и отнимает другое.

Про себя он стал называть незнакомку «русалочкой» из-за необыкновенного цвета глаз и того, чего она была лишена — слуха или голоса. Серёга пока не разобрался. Тут же выстроил в голове аналогию с известной сказкой Андерсена.

Теплоход неторопливо шел по реке. Июньская погода радовала солнечными днями. Вокруг было такое великолепие и красота, что дух захватывало. Ребята развлекали себя как могли. Ходили в столовую на завтраки, обеды и ужины, тор-

чали на палубе, разглядывая окрестности. Серёга много читал, у него был с собой томик Джека Лондона. Увлекательные рассказы про животных и смелых, сильных духом людей, которые в суровых условиях золотоискательства вели ежедневную борьбу за выживание.

Юный воздыхатель старался ежедневно увидеться со своей «русалкой». Так как палубы были разные, то и питались они отдельно. Но каждый раз, когда она пробежала в соседнюю столовую со стайкой девчат, всё закипало в груди, и хотелось броситься за борт, чтобы охладиться, погасить внутренний жар.

Он часто наблюдал, как та сидела с томиком Чехова в руках. Юноша проходил мимо, стараясь заглянуть в прекрасные глаза, но все внимание девушки было сосредоточено на тексте. Только её губы постоянно двигались, словно она проговаривала про себя каждую прочитанную строку. Серёга становился в стороне, чтобы полюбоваться её каштановыми волосами, в цвет которых, летнее солнце добавляло тонкого золотистого свечения.

Общительный Петька звал друга в компанию, где было шумно и весело. Он поддавался на уговоры, знакомился с девчонками, шутил, бравировал знанием произведений Джека Лондона и Чарльза Диккенса. Пел песни «Битлз» на английском, очаровывая всех вокруг. А потом снова искал глазами «русалку», чтобы просто тихо постоять рядом, пока она читает Пушкина, Чехова или Куприна. Девочка-девуш-

ка-цветок взяла в путешествие целую библиотеку.

Они двигались всё дальше, с остановками в Горьком, Казани, Куйбышеве, посещали небольшие экскурсии с местными достопримечательностями. А мальчик все время цепко держал в поле зрения прекрасную «неизвестную». В мечтах молодой человек познакомился с ней, и та разрешила взять её руку в свою. Однако, дальше этих фантазий он не заходил. Поцеловать незнакомку не позволял его динамичный, изобретательный ум, который подсказывал: нужно сначала девушку вылечить.

И вот, он, как герой романа Джека Лондона, совершал подвиг ради дамы сердца.

Подключал все папины связи, ехал в Москву, обращался к самому известному профессору. Научный сотрудник проводил тщательные исследования и выносил неутешительный вердикт:

—Эх, батенька, где вы были раньше? Нужно было в детстве лечить. А сейчас... А, что сейчас? Давайте—ка ради науки попробуем один инновационный метод! И пробовал, и к «русалочке» возвращался слух. В завершении Серёжиных грез девушка-цветок нежным голосом благодарила:

—Спасибо, Серёжа! —И тихо склонялась к его плечу.

Почему-то Серёге в голову не приходило выяснить у ребят её имя. Но мальчик не сомневался, что этот набор букв и звуков окажется таким же необычным и прекрасным, как она сама.

Сегодня они подплыли к небольшой речной станции на зелёную остановку. Ребята выбежали на природу и рассредоточились, кто где. Одни побежали купаться, другие расположились принять воздушные ванны, а кто-то отдал предпочтение спортивным играм с мячом и другим инвентарем. Серёга поплавал с приятелем Петькой и начал искать глазами свою «русалку».

Девушка сидела на траве, в тени раскидистого тополя. В руках держала новый номер журнала «Работница.» Прелестница была в розовом платье и такого же цвета косынке на голове. Солнце нещадно пекло. Детям настоятельно рекомендовали носить головные уборы.

И Серёга решился:

—Довольно тянуть! Сейчас или никогда!

Герой быстро подошел, по пути сорвав букетик цветов для наглядности. Чтобы подарить, а затем попытаться объяснить, что она такая же замечательная, как эти колокольчики.

Он яростно замахал букетом перед носом «русалки», придумывая руками международные жесты любви и красоты, чтобы уж точно поняла, как сильно ему нравится.

А та в недоумении подняла глаза и удивленно произнесла:

—Меня Людмила зовут! А как тебя? Это что, для меня цветы?

Мальчика наполнило необыкновенное чувство радости — девочка слышит, «русалочка» здорова! Они могут общаться как обычные сверстники.

И он, вместо того чтобы в ответ произнести свое имя, внезапно запел во всю силу на английском языке любимую песню «Битлз»:

—Гёрлз...гёрлз...гёрлз!

С праздником, дорогой Витя!

Был на нашем семейном древе один резвый побег. Нрава буйного и непредсказуемого. Моряк, с лихим прищуром чёрных, как уголья глаз, на круглом, словно у сытого кота лице. Он служил на морском флоте, гениально играл на гармонике, пользовался успехом у женского пола.

Недавно моя тётя, разобрав семейный архив, вручила мне стопку старых потрёпанных писем, перевязанных голубой шёлковой ленточкой. Поддерживая моё писательство, она обозначила:

—Вот, возьми! Тебе это точно будет интересно!

Я рада поделиться с вами небольшими воспоминаниями из прошлого, мои дорогие читатели.

Мурманская обл.

г. Мурманск

в/ч ...

Макарову В.

Здравствуй, дорогой Витя!

Привет с Макарова! Шлю тебе свой сердечный привет и желаю всего хорошего. А также шлют тебе приветы и добрые пожелания соседи: Тамара, Андрей и сын их Колька.

Как твои дела и служба? У нас все хорошо. Только я немного приболела. Сегодня пришла Саня, попросила перечитать весточку от тебя, да написать ответ. Вижу плохо, а потому Александра теперь главная помощница.

Привет тебе и от Тонюхи. Она, по —прежнему, работает в строительном.

А недавно у нас вот какой случай произошёл...

Антонине упал кирпич на голову. Попала сестра твоя в больницу и была без сознания. Горе-то горюшко! Не приведи, господь, детей Тонюхиных —Надежду, Галину и Санечку в детдом отдать! Здоровье моё слабое, мне не потянуть. Но слава богу всё обошлось. Она дома, её уже выписали.

Витя, мы не совсем поняли об чём ты прописал в прошлом письме. Что вас там заставляют делать? Писано, что не успел ты вовремя «зашхериться», а потому пришлось второй раз палубу «голячить» и «окатывать из обреза».

Вы там из обрезов что ли на учения стреляете? А почему тогда по палубе, а не по каким-то другим целям. Главное, сынок, в обиду себя не давай. Как твоя служба идёт? Хорошо ли кормят?

Засим, до свидания! Жду от тебя весточки и шлю самые добрые пожелания!

Лёгкой службы на Северном флоте! Твоя мать Наталья.

Село Макарово

Макаровой Н.

Здравствуйте, мамаша! Привет Вам из Мурманска с Се-

верного флота! За зря не волнуйтесь, лучше посылку с куревом пришлите. Служба и корабль идет, а матрос «шхерится».

Кормят нас хорошо, по разнарядке. Раз в день масло на «тюхе» положено. По воскресеньям — куриное яйцо. Чай на камбузе пьем — «чёрные ночи» называется, чтоб заварка была крепче — соду добавляем. Вот оттого и ходит у нас поговорка:

Масло съел, и день прошел.

Съел яйцо – прошла неделя.

Чтобы нам поестъ ишшо?

Чтоб три года пролетели.

Не метите пургу, мамаша, то есть не «голячьте» палубу!
«Обрез» — это шайка с водой. Как палубу веником — «голиком» пройдем, воду выплескиваем.

Наилучшие Вам пожелания от моряка Северного морского флота! Не забудьте курево выслать!

Ваш сын, Виктор!

Мурманская обл.

г. Мурманск

в/ч ...

Макарову В.

Здравствуй, дорогой Витя!

Привет с Макарова! Шлю тебе свой сердечный привет и желаю всего хорошего. А, также шлют тебе приветы и добрые пожелания соседи: Тамара, Андрей и сын их Колька. Письмо твое получили, Саня его несколько раз перечитала.

У нас всё хорошо, только здоровье моё слабое.

А недавно у нас вот какой случай произошёл...

Намедни Тоня с Саней в Ярославль на теплоходе плавали, его ещё «трамвайчиком» называют. Отправились, чтобы продуктов купить к праздникам. Затарились немного и мне китовой колбасы передали, дюже она скусная. Да ещё пряников с баранками. В Ярославле они мягкие и свежие, а к нам всё приходит зачерствелое.

Сегодня я суп из китовой колбасы сварила. Сейчас мы с Санечкой отобедаем. Так вот про случай продолжу. Тоня ушла за покупками, а Санечка на берегу ждать осталась. Час прошел, а мамки всё нет. Ох, и перепугалась наша девочка, ох, и разревелась. Как кинулась её искать, прохожих спрашивать — не видал ли кто. Все хотели бедолаге помочь, мамку найти. Хорошо в милицию не сдали! Тут и Тонюха подоспела. Очередь была за продуктами, вот и припозднилась. Но всё хорошо закончилось.

Засим до свидания! Жду от тебя весточки и шлю самые добрые пожелания!

Лёгкой службы на Северном флоте! Привет тебе от Тонюхи.

Твоя мать Наталья.

А про какую-такую ты «чумичку» в недавнем письме писал? Или она нерусская? Северных кровей? Вас что, в увольнения отпускают, и ты даму сердца присмотрел на берегу?

Село Макарово

Макаровой Н.

Здравствуйте, мамаша! Привет из Мурманска с Северного флота!

За меня не волнуйтесь, лучше посылку с куревом пришлите, которую обещали давно.

Мамаша, не «голячьте» палубу! Это по-нашему, по моремански, а по-вашему: не метите пургу! Какая личная жизнь может быть у моремана на службе?

С недавнего времени базируемся в районе Архангельска, а потому занимаемся лесосплавом на Двине. Вытаскиваем бревна из реки, укладываем в штабеля, таскаем на распилку, взъегориваем на мебельной фабрике. А если вы про ту «чумичку», которая в «лагуне» плавала, а мне вылавливать пришлось. Так это я про поварешку, которая в котел для приготовления пищи упала. Потому как котел по-моремански — лагун называется.

Ну, все заканчиваю...

Привет Вам, мамаша, с Северного морского флота, и не забудьте всё-таки курево выслать!

Ваш сын, Виктор!

Мурманская обл.

г. Мурманск

в/ч ...

Макарову В.

Здравствуй, дорогой Витя!

Привет с Макарова! Шлю тебе свой сердечный привет и

желаю всего хорошего! А также шлют тебе приветы и добрые пожелания мои соседи: Тамара, Андрей и сын их Колька.

Дорогой Витя, очень по тебе тоскую. Здоровье моё слабое, а как подумаю, что до встречи с тобой не доживу, так ещё хуже болеть начинаю. Вот, сегодня Санечка ко мне зашла. Письмецо твоё прочитала. Ты на мамку свою не серчай. Я же многого знать не знаю и ведать не ведаю, а тем более про службу вашу на морском флоте.

А недавно у нас вот какой случай произошёл...

Пострадала наша Санечка не за что. Пошла она зуб лечить в больницу, а обезболивающий укол врач Каблукова ей не сделала. Только давай сверлищем своим по зубу шерудить. Вот Санечка руку и схватила зубами. Боль у ребенка была нестерпимая. Хватко, однако, прикусила, что и челюсти разжать не могли. Так Каблукова, как принялась дитё по голове второй рукой отстукивать, пока та не вырвалась, что у Санечки не только зуб, но и голова потом разболелась.

А я вот что думаю — если положен человеку укол, надо делать обязательно! Пусть он всего лишь второклассник, к примеру.

Засим, до свидания! Жду от тебя весточки и шлю самые добрые пожелания!

Лёгкой службы на Северном флоте! Привет тебе от Тонюхи.

Твоя мама Наталья.

А еще мы ничего про «чопики» не поняли, про которых

в недавнем письме вычитали. Это какой национальности ребята с вами служат? Или может другое что описывал?

Село Макарово
Макаровой Н.

Здравствуйте, мамаша! Привет из Мурманска с Северного флота!

Мамаша, не «голячьте» палубу! Это по-нашему, по моремански, а по-вашему: не метите пургу.

Вы как скажете, мамаша, так хоть стой, хоть падай. «Чопики», по-моремански, — это такое приспособление хитрое. Узкий, деревянный конус. Мы ими дырки и пробоины в бортах заделываем. А сначала их изготовить по всем правилам нужно, нарезать, да обточить. Вот и возимся всю ночь до утра с «чопиками». То есть совсем не то, о чём вы подумали. Нет у нас с ними никаких внеуставных отношений. Одна только работа нескончаемая.

А окромя «чопиков», лопатой машем, снег убираем. Эх, мамаша, какие здесь снега да сопки! Вы, мамаша, не болейте и точно меня дождитесь.

Письма ваши храню за голенищем сапога, потому как если их не «защерить» — отдадут на проверку мичману. Обратно вернуть трудновато будет. Потому они и днём, и ночью со мной, в надёжном месте.

Ладно, заканчиваю. Тонюхе привет передавай и всем, кому хочешь, мне не жалко.

Ваш сын, Виктор!
Мурманская обл.
г. Мурманск
в/ч ...

Макарову В.

Здравствуй, дорогой Витя!

Привет с Макарова! Шлю тебе свой сердечный привет и желаю всего хорошего!

А также шлют тебе приветы и добрые пожелания мои соседи: Тамара, Андрей и сын их Колька.

Уж прости ты меня, старую дуру, что опять не угадала я ваших обозначений морских. Здоровье моё слабое, а как подумаю, что не свидеться нам с тобой, Витенька, так прямо с ног валюсь, до чего все без тебя опостылело.

Сегодня Санечка ко мне прибежала, письмо от тебя перечитывала, а потом мы за стол сели, чаю выпили и ответ тебе пишем.

А недавно у нас вот какой случай произошёл...

Привезли на поселок в клуб новый фильм. Я не ходила, но соседи сказывали. Человек—амфибия называется. Это про море, тебе тоже интересно будет. А случилось вот что. Отправилась наша Санечка с подругой Танюхой на сеанс с ейным братиком, мать поручила присматривать. Вовке всего-то четыре годика. Девки прошли по билетам, а малого не пропустили. В коридоре его билетерша остановила. Сказала: «не положено». Тут толпа его и оттеснила. Вовка сел на ла-

вочку, а эти бестолковщины фильм от звонка до звонка отсмотрели. Знамо дело, не смогли пропустить мероприятие.

А потом ему скучно стало. Он и ушел прогуливаться. Веришь ли, нет — несколько километров протопал, до Тюньбы добрался. Слава богу нашли! Всё обошлось! Только соседи теперь волком на Санечку смотрят, а свою Танюху даже ремнем не выпороли.

Засим, до свидания! Жду от тебя весточки и шлю самые добрые пожелания!

Лёгкой службы на Северном флоте!

Твоя мама Наталья.

Село Макарово

Макаровой Н.

Здравствуйте, мамаша! Привет из Мурманска с Северного флота!

Мамаша, «не голячьте палубу»! Это по-нашему, по моремански, а по-вашему: не метите пургу!

Ну, вы мать даёте, тут и ежу понятно, что билетерша взрослый человек. Как, могла такую ситуацию допустить? Я бы сам её выпорол, а потом десять нарядов вне очереди дал и в караул поставил. Чем вы там на гражданке думаете? Скорее всего местом одним, которое в письме не буду называть. Мамаша, живите, не болейте, встречайте сына после службы. Вернусь домой — наведу порядок. Я человек замученный трапом, так что копите деньги для моей реабилитации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.